

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика.

ЦАРСТВО БОЖИЕ.

Сам Христос молитвой благодатной

Нас учил: в ней голос сердцу внятный,

Дышит в ней святой любовью все,

И звучит, победу возвещая,

Как призыв, надежда дорогая:

Да приидет царствие Твое!

Будет все, во что мы верим, други,

И мечи перекуют на плуги,

И земля, тонущая в крови,

Позабудет яростные битвы,

И в одну сольются все молитвы:

Да приидет царствие любви!

Пусть природа нам отдаст покорно,

Повинуясь мысли чудотворной,

Все богатства тайные свои,

Пусть сольется с творчеством познанья

С красотой – истины сиянье,

Чтоб прославить царствие любви.

И тогда стекутся все народы

Под священным знаменем свободы

Вспомнить братство древнее свое,

И насилье будет им ненужно,

И семья людей воскликнет дружно:

Да приидет царствие Твое!

Но пока... ужели беззащитной

жертвой зла и смерти ненасытной,

Старой лжи не в силах побороть,

Ляжем мы, как мертвые ступени,

Под шаги грядущих поколений

В царство вечное Твое, Господь?..

Разум полон вечного сомненья.

Но безумно жаждет обновленья
Сердце, сердце бедное мое.
И пока не перестанет биться,
Будет страстно верить и молиться:
«Да приидет царствие Твое!»

1 марта 1882, <1894>

МУДРЕЦУ

Речью уверенной, чуждой сомнения,
В смерти, мудрец, ты сулишь мне покой
И нескончаемый отдых забвения,
Сладостный отдых во тьме гробовой.

«Смерть, – говоришь ты, – глаза утомленные
Нам благотворной рукою смежит,
Смерть убаюкает думы бессонные,
Смерть наше горе навек усыпит».

Знай же, мудрец, той мечте обольстительной
Всю мою веру я в жертву принес;
Но подымается с болью мучительной,
С прежнею болью упрямый вопрос:

Что, если, там, за безмолвной могилою,
Нам ни на миг не давая уснуть,
Те же мученья, но с новою силою
Будут впиваться в усталую грудь?

Что, если, вырвав из мрака ничтожного
Душу, бессмертную душу мою,
Не потушу я сознания тревожного,
Жгучей тоски я ничем не убью?

Буду о смерти мольбой бесполезною
я к безучастной природе взывать, –
Но отовсюду холодною бездною
Будет упрямая вечность зиять,

Вечность унылая, вечность бесцельная,

Вечность томленья и мук без конца,
Где не уснет моя скорбь беспредельная
И не изменится воля Творца;

А надо мной в красоте оскорбительной
Будет злорадное небо сиять,
Звездные очи улыбкой презрительной
Будут на стоны мои отвечать...

Нет, перед страхом немой бесконечности
Разум твой гордый бессилен, мудрец...
О, беспощадные призраки вечности,
Кто же вас вырвет из наших сердец?

<1883>

МРАМОР Сонет

Ваятель видел сон: дыханье затаив,
Казалось, глядит он, жадной истомленный,
Как весь из мрамора, пустынно молчалив,
Возносится хребет в лазури распаленной.

На нем – ни ручейка, ни муравы зеленой;
Но млеет и горит искрящийся отлив...
Он им любуется, художник упоенный,
Про жажду он забыл, и в муках он счастлив...

Тоскующий певец, ни мира, ни свободы
Себе ты вымолить не можешь у природы;
Ее краса и блеск души не утолят.

Но, стройных образов ваятель вдохновенный,
И в муках перед ней восторгом ты объят:
Она – бездушная, твой мрамор – драгоценный!

<1884>

«Уж дышит оттепель, и воздух полон лени...»
Уж дышит оттепель, и воздух полон лени,
Порой на улице саней неровный бег
Касается камней, и вечером на снег

Ложатся от домов синеющие тени.
В груди – расслабленность и кроткая печаль;
Голубка сизая воркует на балконе,
Меж колоколен, труб и крыш на небосклоне
Янтарные пары куда-то манят вдаль,
И капли падают с карнизов освещенных,
Щебечут воробьи на ветках обнаженных,
Из городских садов, обвеянных весной,
Уж пахнет сыростью и рыхлою землей;
И черная кора дубов уж разогрета.
Желанье смутное – в проснувшейся крови;
Как семя под землей, так зреет стих любви
В растроганной душе поэта.

1888

«Летние, душные ночи...»

Летние, душные ночи
Мучат тоскою, веют безумною страстью,
Бледные звездные очи
Дышат восторгом и непонятною властью.

С колосом колос в тревоге
Шепчет о чем-то, шепчет и вдруг умолкает,
Белую пыль на дороге
Ветер спросонок в мертвом затишьи вздымает.

Ярче, все ярче зарница,
На горизонте тучи пожаром объята,
Сердце горит и томится.
Дальнего грома ближе, все ближе раскаты...

1888

СМЕРТЬ ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

Погиб и он – когда тот слух к нам долетел,
Не верилось, и в страхе мы внимали,
Мысль отрывалась вдруг от мелких, пошлых дел,
От будничной заботы и печали;

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
«И он, и он погиб», – бледнея, мы шептали.

Нас ужас леденил нежданного конца;
И что-то пронеслось, и душу нам смутило,
И содрогнулись беспечные сердца
Пред этой новой открывшейся могилой...
 как будто все почувствовали вдруг,
 что слишком близки нам его мученья
И что недуг его – для всех родной недуг;
как будто поняли мы сердцем на мгновенье
 Последний вопль его предсмертных мук...
Зачем так много сил дала ему природа?
Ведь с чуткой совестью и страстною душой
Нельзя привыкнуть жить меж нас во тьме глухой...
И он страдал всю жизнь, не находя исхода,
Истерзан внутренней, незримой борьбой.

 О, горе тем, кто в наше время
Проснулся хоть на миг от рокового сна, –
Каким отчаяньем душа его полна,
И как он чувствует тоски гнетущей бремя!
О, горе тем, кто смел донине сохранить
 живую душу человека,
Кто не успел в себе сознания задушить
И кто во прах не пал пред идолами века!
В нем скорбь за всех людей была так велика,
Что, нежным ландышем главу к земле склоняя,
На ниве жизненной он пал, изнемогая,
 как будто ядом «Красного цветка»
Была отравлена душа его больная...

Друзья, вот бесконечный ряд могил, –
Редееет круг бойцов... Не стало лучших сил.
 Все честное хороним мы послушно,
Но долго ли еще нам, братья, хоронить?..
Ведь жизнь теперь, как склеп, где так от трупов
 душно,
Что скоро нам самим нельзя в нем будет жить...

О, если правда в нас заглохла не совсем,
И голос совести еще не вовсе нем, –
Сюда, друзья, сюда на раннюю могилу!
Оплачем юные надежды и мечты...

 Подавленную творческую силу,
Оплачем нежные, убитые цветы,
Мир отстрадавшему!.. Здесь, братья, мы сойдемся
 Над гробом тесной, дружеской толпой
И в общей горести хотя на миг сольемся,
И прах его почтим горячею слезой.

1888

«Кой-где листы склонила вниз...»

Кой-где листы склонила вниз
Грозою сломанная ветка,
А дождь сияющий повис,
Как бриллиантовая сетка.
И он был светел и певуч,
И в нем стрижи купались смело,
И там, где падал солнца луч,
Они сверкали грудью белой
На фоне синих грозных туч.

«В темных росистых ветвях встрепенулись веселые птицы...»

В темных росистых ветвях встрепенулись веселые птицы;
Ласточки в небо летят с щебетаньем приветным,
В небо, что тихо наполнилось светом денницы,
Словно глубокая чаша – вином искрометным.

 И вот в победной багрянице
 Блеснуло солнце в облаках,
 Как триумфатор в колеснице
 На огнедышащих конях.

Все, что живет, в это утро – светло и беспечно,
Ропщет один лишь поток, от мятежного горя усталый,
И, как титан Прометей, безответные скалы
Он оглашает рыданьем и жалобой вечной.

Май 1888

Боржом

ДВА СОНЕТА

1. лилия

С тех пор, как расцвела ты, бледная, немая,
Доступная зари лишь розовым огням, –
Никто не прижимал, о лилия святая,
Горячих уст к твоим холодным лепесткам.

Не зрима я никем, без жалоб увядая,
Последний вздох любви, последний фимиам
Отдав безропотно пустынным небесам,
Ты, одинокая, умрешь, благоухая.

Но расцветешь опять, как там, в лесной глуши,
Ты в сумерках моей тоскующей души,
Цветок поэзии, цветок уединенный.

И, набожный певец, в полуночной тиши
Склонюсь я пред тобой с молитвой, умиленный,
Как перед образом коленопреклоненный.

2. ТАЙНА

Январь кристаллами наполнил воздух льдистый.
От ярких фонарей на улице огромной,
От белых глобусов волною серебристой
Обильно льется свет, чарующий и томный.

В нем кружатся, летят и падают снежинки;
Чуть радугой блеснут – и в сумрак бесконечный
Уносятся навек алмазные пылинки,
Очей не утолив красой недолговечной.

Смотрю, но нет в душе старинного вопроса, –
Пускай уносятся созвездий хороводы,
Как этот снежный вихрь в немую даль хаоса,

Пускай вся наша жизнь ничтожна и случайна,
Но в призме радужной изменчивой природы –

Я верю, верю – есть божественная тайна!

<1888>

СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ

О, если хочешь ты, чтоб робко и смиренно

Я голову склонил к твоим ногам,

Как побежденный –

Напрасно!..

Оставь меня, уйди! – еще ни перед кем,

Ни пред одним земным кумиром, –

Ни пред людьми, ни перед Богом, –

Я не склонял свободного чела.

Моей любви я не унижу,

Я не паду во прах перед тобой, –

Пусть лучше сердце разорвется

От муки!

Но если ты мне просто,

Как брату брат,

Как равный равному, протянешь руку

И скажешь: «Вместе легче

И веселей работать!»

Как радостно схвачу я эту руку,

Товарищ милый!

Не дам тебе я неги и покоя,

Не дам тебе я счастья и забвенья,

Я не зову тебя

На пир веселый,

На праздник жизни молодой, –

Зову тебя на гордые страданья,

На темную суровую работу,

Зову тебя под ношей крестной

Изнемогать

И, может быть, погибнуть, но зато

Смотри, смотри, – какая ширь пред нами,

Какая слава в муках и позоре!..

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
И если сердце не трепещет

Над этой бездной,
Дай руку мне, свободная подруга,
Порвем все цепи,
Откроем крылья
Навстречу буре,
Как два товарища-орла,
Летим, летим под тучу грозовую.

1888?

«Дома и призраки людей...»
Дома и призраки людей –
Все в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мертвом задышалось.
И мимо каменных громад
Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо
Куда – не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомленный,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, рожденный
Туманом северных ночей.

Зима – весна 1889

«Трепетные зори...»
Трепетные зори
Потухают в море,
В сумрачном просторе.

И поднялся туман,
И заснул океан.

Мертвой зыби волны,
Тяжки и безмолвны,
Подымают челны.

Мягко стелется мгла,
И заря умерла.

Звезды ночи рады
И, полны отрады,
Тихо, как лампы,

В небе блещут – и вновь
В сердце мир и любовь.

2 апреля 1889

«Возьми бокал с вином, венок из роз одень...»
Возьми бокал с вином, венок из роз одень,
живи без помыслов, забот и упования,
как будто завтра смерть, как будто каждый день –
Последний день существованья...

.....

1889

СТЕПЬ

Целый день – только гладь бесконечных полей,
Только синее небо над ними...
Как я рад, что здесь нет ни домов, ни людей,
Что один я с цветами степными...
Ароматную сыростью пахнет земля,
И, как шелк, мурава зеленеет,
убегают в безбрежную даль тополя,
Одинокая церковь белеет...
Вот они, мои степи... Подальше от книг,
От томительной жизни столицы, –
Вновь я прост, как дитя, и свободен на миг,
и беспечен, как вольные птицы...
Ничего не желать, не мечтать, – всей душой
С этой далью холодной слиться...
Здесь, в природе – я чую с блаженной тоской –
Правда, вечная правда таится!

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
<1889>

«Мы в одной долине о любви мечтали...»
Мы в одной долине о любви мечтали,
Чуждые друг другу, полные печали, –
Ночью звезды те же к нам в окно глядели,
Мы внимали той же соловьиной трели,
И, следя, как меркнут на закате горы,
Сколько раз встречались в небе наши взоры.
И, любви не зная, оба одиноки –
Были мы так близки, близки – и далеки...
Мы нашли друг друга и, полны надежды,
Любим беспредельно... Но зачем ты вежды
Грустно опустила, стала молчаливей...
Разве в этом мире можно быть счастливей?..
Понял я, родная, сердце хочет снова
Прежней тихой грусти, сумрака ночного,
Хочет звезд тех самых, что в окно глядели,
И давно умолкшей соловьиной трели...
Как о мертвом друге, с нежностью во взоре,
В эти дни блаженства ты грустишь о горе.

<1889>

ТУМАН

Туманов млечных покрывало
Долины, горы, небеса
И необъятные леса
Ревнивым облаком скрывало.
Но вдруг безжизненная мгла,
Цепляясь за верхушки леса,
Как исполинская завеса,
Разорвалась и поплыла...
Открылся мир прекрасной грезы,
И засинели небеса,
Как благодарственные слезы,
На розах вспыхнула роса.
И мягкий свет упал на доли,

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
На берег с пеною валов,

На скалы – вечные престолы,

Жилища царственных орлов.

Уж море теплое дышало,

И, торжествуя, предо мной

До края небо трепетало

Своей воздушной синевою.

1889?

Крым

«Ты поклялась мне в любви...»

Ты поклялась мне в любви...

Слушал я грустно и холодно,

Сердце сжималось от боли и страха,

Словно в тот миг предо мной святотатство свершилось...

Клятвы любви!

Клятвы – тяжелые, грубые цепи.

Цепи любовь оскорбляют:

Чувство великое

Светится внутренней правдой

И, безгранично свободное,

Верит в себя и верить других заставляет.

Разве так мало мы любим друг друга, что будем

Рабской, бессильной любви

В клятвах опоры искать?..

Милая, лучше мы сразу навек разойдемся,

Лучше погибнем,

Лучше мы с корнем

Вырвем из сердца любовь –

Но не солжем, не солжем никогда

Друг перед другом.

<1890>

«Кто нам решит...»

Кто нам решит,

Что это – жажда любви или любовь?

Страшно пред Богом, пред собственной совестью,

Страшно сказать – «я люблю».
Ведь для нас это слово –
Не беззаботный призыв к наслаждению,
Для нас это клятва
Вечного долга,
Для нас – это крест,
Крест отречения и жертвы.
Сказка любви,
Светлая, лунная, нежная,
Жаль прикоснуться к тебе,
Надо и жаль превратить тебя в жизнь,
Кровью и плотью облечь!
Время несется,
Люди не ждут,
Жизнь беспощадная
Грубой, костлявой рукою стучится
В двери Эдема.
Что же нам делать?
Разве с тобой мы не дети,
Бедные, глупые!
Сказки мы любим, а жизни боимся.
Думать так страшно, так больно.
Будем же дольше детьми,
Отдадимся потоку
Светлому,
Позабудем о людях, о жизни, о горе.
Дай мне склониться челом на колени твои,
Дай мне слезами простыми и тихими
Выплакать счастье мое!..

<1890>

«Как негодуют эти волны...»
Как негодуют эти волны,
Как ропщет бурный океан,
Непобедимый, злобы полный,
Гранитом скованный титан!

Но тщетно все: изнемогая,
Падут мятежные валы,
В борьбе за волю умирая,
К подножью царственной скалы.
А там, в венцах из звезд, как боги,
Вершины снежные полны
Презренья к суетной тревоге,
К борьбе и к ропоту волны.
И, созерцая бесконечность,
Не для земли они живут,
С немymi звездами про вечность
Беседу тихую ведут.
Но как решить, кто прав: вершины,
В их созерцании немом,
Иль эти гордые пучины,
В борьбе и гневе роковом?

<1890>

«О, нет, молю, не уходи...»
О, нет, молю, не уходи!
Вся боль ничто перед разлукой,
Я слишком счастлив этой мукой,
Сильней прижми меня к груди.

Скажи: «Люблю». Пришел я вновь,
Больной, измученный и бледный.
Смотри, какой я слабый, бедный,
Как мне нужна твоя любовь...

Мучений новых впереди
Я жду, как ласк, как поцелуя,
И об одном молю, тоскуя:
О, будь со мной, не уходи!..

<1890>

«Как от рождения слепой...»
Как от рождения слепой

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Своими тусклыми очами

На солнце смотрит и порой,
Облитый теплыми лучами,

Лишь улыбается в ответ
На ласку утра, но не может
Ее понять, и только свет
Его волнует и тревожит:

Так мы порой на смерть глядим,
О смерти думаем, живые,
И что-то в ней понять хотим,
Понять не можем, как слепые...

1890

«Как странник, путь окончив дальний...»

Как странник, путь окончив дальний,
Вернувшись радостно домой,
Вступает в дверь опочивальни,
Где вечный сумрак и покой, –

Где ложе, полное отрады,
Где мирной роскоши дары –
Сквозь шелк завесы луч лампы,
Узорно-темные ковры:

Так я гляжу на мир природы,
На берег дремлющий, на лес,
На упоительные воды,
На даль темнеющих небес,

И снова рад душой усталой,
Что там, в природе, отдых ждет...
О чем ты, сердце, горевало?
Забудь, не стоит, все пройдет, –

Пройдет любовь, пройдут мученья,
И, погружаясь в тишину,
Я, непробудным сном забвенья

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Уснув, от жизни отдохну.

Без дум, без мук, без грезы прежней
Я внемлю шелесту волны:
Ах, эти звуки безмятежней,
Еще спокойней тишины!..

Так странник, путь окончив дальний,
Вернувшись радостно домой,
Вступает в дверь опочивальни,
Где вечный сумрак и покой.

<1891>

«Пусть темна моя дорога...»
Пусть темна моя дорога,
Пусть ничтожно бытие,
Но не даром чует Бога
Сердце скорбное мое:

Кто под гнетом нестерпимым
Вечных мук готов был пасть,
Но любил и был любимым,
Тот не может жизнь проклясть!

<1891>

СВЕТЛЯК
Сняла, шутя, с былинки нежной,
С родного, бедного цветка
И в сердце розы белоснежной
Ты положила светляка.

И роза кажется дворцом
Волшебным, белым и прохладным,
Вся озаренная лампадным,
Зеленоватым огоньком.

Но он потух... Мой друг, опять
Верни его родному полю:
Он любит ночь, он любит волю, –

<1891>

НА ДРЕВНЕМ ФОРУМЕ В РИМЕ

Холод священный опять пробегает по сердцу, о камни
Площади древней, где жил Рима свободный народ!
Что же так трогает душу в этом божественном прахе?
Что мне, о Рим, до тебя, что мне до славы твоей?
Разве я здесь меж развалин твоих не пришлец одинокий,
Разве не скиф – я, не сын чуждой, холодной земли?
Ни для какого величья, ни для какого народа
Бедной отчизне моей не изменю я вовек!..
Но почему же твой форум мне кажется новой отчизной?
Чувствую в Риме себя сыном великой земли!
Дети грядущих веков, дети России любимой,
С общею жизнью племен жизнь нашей родины слить, –
Вот ваш божественный долг!..

1891

Рим

СПЛИН Из Бодлэра

Je suis comme le roi d'un pays pluvieux.

С<harle> В<audelaire> [1]

Подобен я царю страны дождем обильной,

Что в цвете лет – старик, богатый, но бессильный:

Он презирает лесть своих учителей,

Скучает меж собак и меж других зверей.

Ни соколиною охотою, ни стоном

Народов, гибнущих перед его балконом, –

Не занят он ничем, как тяжело больной.

Его любимый шут балладою смешной

Уже не веселит. С гербами лилий ложе

Великолепное на темный гроб похоже.

И дамы, – им всегда прекрасны короли, –

Изобрести наряд бесстыдный не могли,

Чтоб удостоиться улыбки иль привета

От повелителя, от юного скелета.

Алхимик золото готовит, а меж тем

Из тела злой недуг не мог извлечь ничем,
И даже ваннами из крови – их узнали
От римлян, их цари пред смертью вспоминали, –
Не мог согреть он труп, в чьих жилах – навсегда
Не кровь, а мертвая, зеленая вода.

<1892>

НЕРАЗРЕШИМЫЕ ВОПРОСЫ

Если, Боже, хочешь всех
Ты спасти, зачем от века
Слишком слабым человека,
Слишком сильным сделал грех?

Если тело – прах и тлен
И, любя его, нарушу
Твой закон, зачем Ты душу
Заклучил в постыдный плен?

Если кроткий лишь спасен,
То зачем Злой Дух, восставший,
Дух Мятежный, все поправший, –
Обаяньем окружен?

Если смерть виновных ждет,
То зачем же преступленье,
Обещая упоенье,
Ужасает и влечет?

Если знание – лишь обман,
Если грех – пытаться и мерить,
Если надо только верить,
То зачем мне разум дан?

.....
.....
.....
.....

МОЛИТВА ЯЗЫЧНИКА

Молчанье страшное Неведомого Бога!..
«Ищите! – Ты сказал, – обрящете». Зачем,
Зачем я верую! У Твоего порога
Стучуся в дверь, ищу, зову Тебя.. Ты – нем!..

И все-таки стою у Твоего порога..
О, если б только луч, о, если б только знак!..
Но Ты безмолвствуешь, и дней моих итога
Ты ждешь, как Судия, как вездесущий Враг.

Смотри, я падаю, я верю и страдаю,
Под тяжестью креста, весь в тернях и крови,
Молю и требую, и плачу, и взываю:
Не справедливости, о нет, любви, любви!..

Пощады, отклика, иль знаменья, иль чуда!
К Тебе подъямлю взор, не знаю сам, зачем,
Еще спасенья жду, не знаю сам, откуда..
И верю, помоги!.. Но тщетно все: Ты – нем!

1892

НАДГРОБНЫЕ ЦВЕТЫ

На бледном мраморе, тоскуя, увядали –
Последний дар любви, последний дар печали –
Надгробные цветы, и с жадностью пила
Их нектор сладостный весенняя пчела,
Не думая о том, кто с горькими слезами
Их на могилу нес дрожащими руками.
И, беззаботная, в свой улей унесет
Она с немых гробов благоуханный мед.

Весна 1892

Ницца

УТРЕННИЙ ГИМН

Радость пробуждения,
Ты сменила ночь.
Мрачные видения,

Уноситеcь прочь!..
Пред светилом царственным
В утренних лучах
Встанем с благодарственным
Гимном на устах.
Слышишь: дятел стучает
По коре стволов,
Ветерок баюкает
Венчики цветов.
Надо мной колышется
Позлащенный лес...
Утром легче дышится,
Глубже свод небес.
В сердце – умиление,
Веры детской жар.
Каждое мгновение –
Новый Божий дар.
Пусть же омрачаема
Смертью жизнь моя,
Но неисчерпаема
Радость бытия.
Свет и пробуждение,
Вы сменили ночь...
Мрачные видения,
Уноситеcь прочь!

16 августа 1892

ОДНА ПРИРОДА

Одно – всегда прекрасно,
Одно – не изменяет,
Что в небе так бесстрастно,
Так далеко сияет.

Обман – в словах великих,
Обман – в любовных взорах,
Но правда – в чашах диких,

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
В тебе – дубровный морок.

Любить того не стоит,
Что в жизни сердце манит;
Природа успокоит,
Природа не обманет.

Баюкая, обнимет
Детей своих усталых,
Еще нежнее примет
Отверженных и малых.

Не лгу, не лицемерю:
Я потерял дорогу.
И уж давно не верю
Ни людям я, ни Богу.

Но верю я доньше
Тому, что скажет колос
И моря вечный голос,
И тишина пустыни.

1892

ДВА СОНЕТА ПЕТРАРКИ

1. «О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна...»

О красоте твоей молчать стыжусь, Мадонна,
Ты в незабвенный день предстала мне такой,
Что холоден с тех пор я к прелести иной,
К иной любви душа навеки непреклонна.

Как часто я гранить тебе сонет хочу,
Но слишком тверд алмаз, напилек изменяет,
И пред Лаурою душа изнемогает,
И холодней мой стих, чем лед, – и я молчу.

Открою ли уста, чтоб говорить – напрасно!
Немее песнь любви в груди моей безгласной,
И ни единый звук к тебе не долетал..

Едва мое перо касается бумаги –

Ни вдохновения, ни мысли, ни отваги...

И с первым опытом я струны покидал!

2. «Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...»

Лукавый бог любви, я вновь в твоей темнице...

О пленник, покорись и воли не ищи:

Все двери заперты, и отданы ключи

Тюремщиком твоей безжалостной царице.

Уже я был рабом, когда заметил плен.

(Клянусь, – хотя никто не верит мне, я знаю)

С усилием вырвавшись из-за тюремных стен,

О них со вздохами, жалея, вспоминаю.

К темнице так привык, что воли не хочу,

И порванную цепь повсюду я влачу...

Таким огнем любви горит мой взор унылый,

Что, если бы теперь ты видела певца,

Сказала бы: «Судя по бледности лица,

Друзья, мне кажется, он на краю могилы».

<1893>

СПОКОЙСТВИЕ

Мы в путь выходим налегке,

Тому, что жизнь пройдет, не верим

И видим счастье вдалеке,

И взором прошлого не мерим.

Но день за днем, за годом год

Уходит медленное время,

И тяжесть прошлых лет растет,

И сердце давит жизни бремя.

Теперь, когда я вспомню вдруг,

Как в жизни дней счастливых мало

И сколько сердце зла и мук,

Чтоб только жить, судьбе прощало –

В душе усталой нет следа, –

Хотя и грешен я во многом, –
Ни покаянья, ни стыда
Ни пред людьми, ни перед Богом.

И я молиться не хочу:
Страданья веру победили,
Нет даже слез – и я молчу,
И мне спокойно, как в могиле.

Зачем дрожать? О чем молить?
И от кого мне ждать прощенья?
Я сам не должен ли простить
Того, кто мне послал мученья!

<1893>

БУМАЖНЫЕ ЦВЕТЫ
На ограде церковной
Божьей Матери лик
И с улыбкой любовной,
И с печалью поник.

Равнодушные лица,
Пыль, и говор, и зной...
Шумно бредит столица,
Воздух пахнет весной.

Распускаются почки...
Над тобой, образок,
Из бумаги цветочки –
Неискусный венок,

Слабо ветром волнуем...
И на нем, горячи,
Чуть дрожат поцелуем
Золотые лучи.

Что Царице Небесной,
Что Тебе, мой Творец,
Дар любви неизвестной –

Этот скудный венец?

Но на миг я забылся,
Зло я людям простил:
Кто-то здесь и молился,
И страдал, и любил.

Пыльный венчик дороже
Всех душистых цветов..
О, помилуй нас, Боже,
Твоих грешных рабов!

10 мая 1893

С.-Петербург

«В моей душе – ни трепета, ни звука...»
В моей душе – ни трепета, ни звука,
И ни одной слезы в моих очах.
Еще дрожать за эту жизнь?.. О скука!
За эту жизнь! О малодушный страх.

Я радуюсь порывам сладострастья,
Усталости, и голоду, и сну,
Страх смерти тонет в них и жажда счастья.
Они приносят мрак и тишину.

Но сердце мне, как тяжесть, давит время,
И каждый день прошедший, каждый миг
Все прибавляет, отягчает бремя,
Под ношею согбенный, я поник.

Покой в душе, как в доме опустелом..
И жизнь моя, как пыль в немых гробах:
Что было некогда прекрасным телом,
Теперь – безмолвный и холодный прах.

25 мая 1893

Луга

РОДНОЕ

Далеких стад унылое мычанье,

И близкий шорох свежего листа...
Потом опять – глубокое молчанье...
Родимые, печальные места!

Протяжный гул однообразных сосен,
И белые сыпучие пески...
О бледный май, задумчивый, как осень!..
В полях – затишье, полное тоски...

И крепкий запах молодой березы,
Травы и хвойных игл, когда порой,
Как робкие, беспомощные слезы,
Струится теплый дождь во тьме ночной.

Здесь – тише радость и спокойней горе.
Живешь, как в милом и безгрешном сне.
И каждый миг, подобно капле в море,
Теряется в бесстрастной тишине.

май 1893

СЕРЫЙ ДЕНЬ

Как этот серый день и нежен, и отраден!
К нам, детям страждущим своим, как мать, полна
Природа жалостью. И ветерок прохладен,
И все смиренная объемлет тишина.

Как благодарен я и как доволен малым!
Не надо солнца нам: милей, чем яркий луч,
Уютный полумрак – очам моим усталым –
И темных хвойных игл, и теплых серых туч.

Я смерти не боюсь и жизни покоряюсь:
как это облако, уснувшее вдали,
и как цветы – без дум, я только наслаждаюсь
Спокойствием небес, спокойствием земли...

18 июня 1893

«Не надо желаний...»

Не надо желаний,

Не надо боязни,
Не надо страстей!
Один только нужен

Восторг беспредельный,
Глубокий, бесстрастный,
Как небо – в сиянье
Вечерней зари.

Одно лишь прекрасно –
Что кажется людям
Преступным, безумным
И страшным, как смерть!

Привет вам, привет,
Священные грезы
Великих безумцев –
О том, что когда-то
И было, и будет,
О том, чего нет!

Отец мой Небесный,
Тебя я прославлю
За то, что от сильных,
Разумных и гордых
Ты все это скрыл, –
Открыл только детям,
Мечтателям жалким
И слабым, как я!

1893

«Напрасно видела три века...»

Напрасно видела три века
Дубов могучая краса:
Рукою хищной человека
Обезображены леса.

Здесь – листья мертвые черники,
Берез обугленные пни...

Здесь люди, сумрачны и дики,
Влачат нерадостные дни.

И скуден мох, и сосны тощи..
Грустя, я вижу вас в мечтах,
О, кипарисовые рощи
На милых южных берегах –

И под скалою Артемиды
Роскошно зыблущийся Понт,
Как лоно нежной Амфитриды, –
И необъятный горизонт,

Родную сердцу Ореанду –
Волшебный и далекий сон, –
Я помню белую веранду
Высоких греческих колонн.

И запах волн в соленом ветре,
И сквозь туман, в полдневный жар,
Величье грозное Ай-Петри –
И сакли бедные татар,

Магнолий запах слишком сладкий,
Подобный пряному вину,
И жгучий день, и вечер краткий,
И восходящую луну.

И там, где слышен моря шелест
В скалах, изъеденных волной,
Элады девственную прелесть
Я чуял детскою душой.

1893

ОДА ЧЕЛОВЕКУ

«Ессе homo» [2]

Божественный родник чистейшего огня –

В свободном разуме и в сердце человека:

«Я – слово мира, – без меня

Слабеет гром небес пред волею мою,
И слезы чистые грозы
Не стоят, Господи, одной моей слезы!..
Умею связывать и разрешать умею.

Все трепетания полночного эфира
И шорох листика в дубравной тишине,
Все звуки, все лучи и все дороги мира
Сливаются в моей сердечной глубине.

Природа для меня – как царское подножье!
Я – человек, я – цель, я – радость, я – венец.
Всего живущего начало и конец,
Я – образ и подобье Божье!»

1893

ПЕСНЯ ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Птичка с крыльев отряхает
Капли теплого дождя...
Слышишь? – туча гроыхает,
К чуждым нивам уходя.
Ветер с листьев отряхает
Капли светлого дождя...

Сердцу нашему веселье –
Только в голосе громов, –
Олимпийское похмелье
Вечно радостных богов –
И свобода, и веселье –
Только в голосе громов!..

жизни! жизни!.. Я тоскую...
Нет ни счастья, ни скорбей...
О, пошли грозу святую,
Боже, родине моей!..
Бури! Бури! Я тоскую...
Дайте слез душе моей!..

1893

РАЗВЕНЧАННЫЙ ЛЕС

Как царь развенчанный стоит могучий лес.

У ног его лежит пурпурная одежда...

А в светлой глубине торжественных небес

Не хочет умереть последняя надежда.

Есть ласка вешняя и в нежности лучей,

Уже слабеющих, склоненных и прощальных...

Есть радость вешняя и в ясности моей,

В бесстрастье этих дум, глубоких и печальных.

Листы увядшие и мертвые шуршат.

И как у мертвых тел, упитанных мастями,

Унылый есть у них могильный аромат,

Мне в душу веющий бесстрастными мечтами.

И радует меня покой души моей,

И сердце кроткая пленяет безнадежность.

Объемлет всех врагов, объемлет всех друзей,

Как ласка осени – прощающая нежность.

Сентябрь 1893

ДЕТИ

Увы, мудрец седой,

Как ум твой гордый пуст

И тщетен – пред одной

Улыбкой детских уст.

Твои молитвы – грех,

Но, чужд страстей и битв,

Ребенка милый смех –

Священной всех молитв.

Родного неба весть –

Его глубокий взгляд,

Он рад всему, что есть,

Он только жизни рад.

Он с горней вышины
Как ангел к нам слетел,
От райской тишины
Проснуться не успел.

Душа хранит следы
Своих небесных грез,
Как сонные цветы –
Росинки Божьих слез.

29 декабря 1893

DIES IRAE [3]

Люди, опомнитесь! Вот она – смерть!
Вот она, страшная, кроткая, вечная.
Тайна над вами – небесная твердь,
Тайна в сердцах ваших – жизнь бесконечная...

Ваше проклятье – бессмысленный труд,
Стадо слепое – толпа ваша грязная..
Скука, безумье, обжорство и блуд,
Жизнь ваша – смерть безобразная!..

В небе звучит громовая труба,
В темной земле мертвецы содрогаются,
Полные тлена зияют гроба,
Очи для вечного дня разверзаются.

Как же нам стать пред лицом Судии,
Солнцу подобного, грозно-великого?
Как же подымешь ты очи твои,
Полные мрака и ужаса дикого?

Люди, опомнитесь!.. Дети Отца,
Страшного Бога, судить вас грядущего,
Не отвращайте от Света лица,
Я заклинаю вас именем Сущего!..

конец 1893

1. «Когда под куполом огромного собора...»

Когда под куполом огромного собора,
В таинственных лучах мерцающих лампад,
При песнопениях торжественного хора
Я недвижим стою, потупив робкий взгляд,
Очами строгими и полными укора
Угодники с икон так пристально глядят,
И над бесчисленной молящихся толпою
Струится фимиам душистою волною, –

Тогда я ужасом невольно поражен,
И горько плачу я, томимый угрызеньем,
Я сознаю опять, что к бездне приведен –
Дорогою греха, сердечным ослепленьем,
Воспоминания летят со всех сторон,
И голос совести гремит мне осужденье,
И сердцу слабому так тесно, тяжело,
И страшно мне поднять поникшее чело.

2. «Когда же дивный храм природы...»

Когда же дивный храм природы
В лучах торжественного дня
Свои блистающие своды, –
Обитель мира и свободы, –
Распростирает для меня.

Когда в эфире ночи ясной
Миров я вижу стройный хор,
Что в небе движутся согласно,
Толпой бессмертной и бесстрастной
Плывут в загадочный простор, –

Тогда в отрадном умиленье
Я слышу голос Божества,
Я сознаю в благоговенье
Свое с природой единенье, –
С ней связи древнего родства.

Равно заботливо и щедро
Питают влагой дождевой
Природы любящие недра
И ствол развесистого кедра,
И цвет былинки полевой.

Опять я в счастье верю твердо,
И сердце радости полно.
Сознание шепчет мне так гордо:
«Ты – звук всемирного аккорда,
Ты – цепи жизненной звено».

И вот стою под небесами
Я в умилении святом,
На все в природе, в Божьем храме,
Гляжу я светлыми очами
С высоко поднятым челом.

<1894>

СОЛНЦЕ И СЕРДЦЕ

Сердце мое – неизменно, как Солнце...
Верю я Солнцу и Сердцу.
Видишь – приходят, уходят
Зло и Добро,
Вечно меняясь, как тучи под Солнцем.
Ты же, о Солнце, великое Сердце, –
Выше, чем тучи, чем Зло и Добро, –
ибо твоя олимпийская Мудрость
Вечно смеется над Злом и Добром.
Будь же, мой дух, лучезарным,
Темные тучи рассей,
Зло и Добро победи;
Радость – для Сердца, сиянье – для Солнца, –
Вот их единый закон!

1894

ПЕСНЯ СОЛНЦА

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Я наливаю колос хлеба

Благоухающим зерном,
И наполняю чашу неба
Я золотым моим вином;

Приди и пей – кто только жаждет!
Что значит подвиг или грех?..
Не бойтесь – надо всем, что страждет,
Непобедим мой вечный смех!

Из всех певцов – я лучший в мире:
Как на эоловых струнах,
Люблю играть на вечной лире –
На золотых моих лучах.

И песнь моя есть первый лепет
Весенних листьев, гул морей
И в тучах радуг легкий трепет,
И ужас бурь, и смех детей.

И полны дивного значенья,
В неоцененной красоте,
Спят драгоценные камни,
Мои любимцы, в темноте, –

Мои загадочные дети
Там, под землею, ждут меня,
Безмолвный ряд тысячелетий
Мой первозданный луч храня.

Люблю, что молодо и смело,
Люблю я силу в красоте
И нестыдящееся тело
В богоподобной наготе.

Зачем, безумец, ты не внемлешь,
Потупив взор слепых очей,
И мертвым сердцем не приемлешь
Ты евхаристии моей?

Приди и пей – кто сколько жаждет!
Что значит подвиг или грех?
Не бойтесь – надо всем, что страждет,
Непобедим мой вечный смех!

11 августа 1894

ОКТАБРЬ

Уж вещей ворон каркал над дубровой,
И мертвенного пурпура ветвей
Вихрь не щадил, свободный и суровый,
Как древнего величия царей...

И падает их пышная одежда,
И бледен солнца луч сквозь облака,
Как на бессмертье тщетная надежда,
Как жалкое веселье старика.

<1894>

ПОСЛЕДНИЕ ТРАВЫ

Дни все короче, а ночи морознее..
Вы, ни живые, ни мертвые, бедные, бледные
Травы осенние, поздние.
Там, среди зябнущих, голых стволов,
Вы из-под савана первых снегов,
К солнцу с последней мольбой простираетесь,
Не покоряетесь, –
Тускло-зеленые, нежные, –
Боретесь вы с белизною снегов,
О, безнадежные!

Солнца ненастного злые лучи
Не согревают,
Только играют,
Как в поединке стальные мечи..
Острые, злые лучи,
Не лицемерьте!..

Лживому солнцу, о травы, не верьте,

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Верьте покою, отдайтесь же смерти!

Ниже, все ниже свинцовая твердь,
Злая, как смерть... Над деревьями голыми
Каркает ворон и крыльями машет тяжелыми,
Празднует смерть...
Ниже, все ниже свинцовая твердь.
Сердце мое, как былинка, – в снегу, – безнадежное,
Слабое, нежное!
Солнцу не верь ты холодному,
Вечно бесплодному,
Страшному, злему, как смерть!..

1894

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

О бледная луна
Над бледными полями!
Какая тишина –
Над зимними полями!
О тусклая луна
С недобрыми очами...
Кругом – покой велик.
К земле тростник поник,
Нагой, сухой и тощий...
Луны проклятый лик
Исполнен злобной мощи...
К земле поник тростник,
Больной, сухой и тощий...
Вороны хриплый крик
Из голой слышен роци.
А в небе – тишина –
Как в оскверненном храме...
Какая тишина –
Над зимними полями!
Преступная луна,
Ты ужасом полна –
Над яркими снегами!..

26 февраля 1895

ДОЖДЬ

Мы – бедные капли, мы – серые капли
Холодных упорных дождей,
В болотах, где дремлют недвижные цапли,
Мы слабые, вечные капли
В безветрии мертвом ночей.
Боишься ты нашего тихого звука
На плоской равнине полей торфяных,
Как будто отраднее смерть или мука,
Чем наша покорная тихая скука.
Боишься ты шепота струй дождевых.
Мы жалкие, серые, что же мы значим,
Не бойся, мы сделать не можем вреда,
По крыше твоей только пляшем и скачем,
Как дети большие, мы плачем и плачем,
Ни ночью, ни днем не уснем никогда.
И песню поем мы все ту же и ту же,
Мы братья твои, ты от нас не беги:
Как ты, умираем и тонем мы в луже,
За нами – другие, и песню всю ту же
Поют, умирая во мраке и в луже,
И тают в воде дождевые круги.
И дремлют в болоте недвижные цапли,
С опущенных перьев стекают струи,
Мы – слабые капли, мы – бедные капли,
Мы – тихая скука, мы – слезы твои.

28 июня 1895

Ораниенбаум

ЧАСЫ

Не наслаждение, не мука,
Не вдохновение страстей,
Удел живых – тупая скука,
Пустое бремя лишних дней.

Я не ропщу и не страдаю,
Я к одиночеству привык:
Часы, часы, я понимаю
Ваш утомительный язык.

На жизнь смотрю я хладнокровно,
Где нет друзей и нет врагов.
И бьется сердце ровно, ровно,
Как сердце мертвое часов.

31 августа 1895

«Еще огнем горит мой взор...»
Еще огнем горит мой взор,
Еще есть в сердце благородство,
Но жизнь – какое в ней уродство,
Какой бессмысленный позор.

Я покорился и молчу:
Кто гибнет – гибели достоин.
Мой дух печален и спокоен,
И не молюсь, и не ропщу.

И с каждым шагом беспощадней
Мой путь под ношей бытия.
Была печальной жизнь моя,
Хоть смерть не будет ли отрадней?

1895

СОРРЕНТО

Ведут дороги длинные
Меж каменных оград,
Сквозь рощи апельсиновые –
Эдема вечный сад.

Кругом – благоухание
Бесчисленных плодов,
И теплое дыхание,
И сырость парников.

Ручьи лепечут звонкие...
И солнце в тихий лес
Сквозит сквозь щели тонкие
В соломенный навес –

Под эти крыши зимние,
Где нежатся плоды...
Зимой гостеприимные
Лимонные сады...

Сорренто безмятежное,
В дремотной тишине
Так тускло солнце нежное,
Подобное луне,

В твоих садах единственных
И памятных навек,
Как в сумерках таинственных
На дне глубоких рек.

Не водоросли чудные,
На стенах травы спят,
Их нити изумрудные,
Как волосы, висят,

Блестят росой холодной...
А там, в сыром углу,
Как будто сквозь подводную,
Загадочную мглу, –

Под кущей благовонною –
От всех людей далек –
Пред бледною Мадонною
Мерцает огонек.

Здесь молит – ненасытное, –
Здесь верит сердце вновь
В блаженство первобытное
И в райскую любовь.

<1896>

«Увы! Что сделал жизни холод...»

Увы! Что сделал жизни холод
С душой печальной: туда,
Где ты был радостен и молод,
Не возвращайся никогда!

Все так же розов цвет миндальный,
И ночью море дышит вновь.
Но где восторг первоначальный,
Где наша прежняя любовь?

Мгновенья счастья стали реже.
На высях гор вечерний свет,
Долины, рощи, волны – те же,
И только молодости нет!

<1896>

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Не пылит еще дорога, –
Но везде уже тревога,
Непонятная тоска.

Утомительно для слуха
Где-то ноет, ноет муха
В тонкой сетке паука.

И похож далекий гром
На раскат глухого смеха.
В черной тьме, в лесу ночном –
Грозовой тяжелый запах
Удушающего меха,
В небе – гул глухого смеха.
О тяжелый, душный запах!
Этот мрак не успокоит, –
Сердце бьется, сердце ноет.
В сердце – вещая тоска.
Где-то муха ноет в лапах,

В страшных лапах паука...

<1896>

СПОКОЙСТВИЕ

Мы близки к вечному концу,
Но не возропщем на Создателя...
Уже не в зеркале гадателя,
Мы видим смерть лицом к лицу.

Всю жизнь безвыходным путем,
Сквозь щели узкие, бездонные,
Во тьме, кроты слепорожденные,
К могиле ощупью ползем, –

К той черной яме, к западне,
Где ожидает неизвестное, –
Сквозь подземелье жизни тесное
Идем и бредим, как во сне,

И шепчем: скоро ли конец?
Верховной Воле покоряемся,
За жизнь безумно не цепляемся,
Как утопающий пловец...

С печатью смерти на челе
Искали правды в беззаконии,
Искали в хаосе – гармонии,
Искали мы добра во зле, –

Затем, что нас покинул Бог:
Отвергнув ангела-хранителя,
Мы звали духа-соблазнителя,
Но нам и дьявол не помог.

Теперь мы больше не зовем,
Перед дверями заповедными,
Блуждая призраками бледными,
Мы не стучимся и не ждем.

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Мы успокоились давно:

Надежды нет и нет раскаянья,
И, полны тихого отчаянья,
Мы опускаемся на дно.

<1896>

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

В эти белые дни мы живем, как во сне.
Наше сердце баюкает нега
Чьих-то ласк неживых в гробовой тишине
Усыпительно мягкого снега.

Если в комнате ночью при лампе сидишь,
Зимний город молчит за стеною,
И такая кругом бесконечная тишь,
Как на дне, глубоко под водою.

Даже снег в переулке ночном не хрустит.
С каждым днем в моей келье все тише,
Только саван холодный и нежный блестит
При луне на белеющей крыше.

И подобье прозрачных невиданных роз –
По стеклу ледяные растенья.
Ночью в лунном сиянии чертит мороз –
Невозможных цветов сновиденья.

<1897>

ВОЛЯ

Слышишь, где-то далеко
Плачет колокол?
Как душе моей легко
В одиночестве!
По неведомой тропе,
В бледных сумерках,
Ухожу к немой толпе
Скал нахмуренных
От врагов и от друзей.

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
В тихой пропасти, –

Только там, где нет людей,

Легче дышится...

В счастье друга не зови:

Молча радуйся.

Сердцу сладостней любви –

Воля дикая.

<1897>

«Синеет море слишком ярко...»

Синеет море слишком ярко,

И в глубине чужих долин

Под зимним солнцем рдеет жарко

Благоуханный апельсин.

Но, целомудренны и жалки,

Вы сердцу чуткому милей,

О, безуханные фиалки

Родимых северных полей!

<1897>

ЛЮБОВЬ К ЗЕМНОМУ

Хотя влечет меня, о Боже,

И тишина Твоих глубин, –

Но мне пока еще дороже

Знакомый шум земных долин.

Хотя зовут ночные бездны

И в сердце нет весенних грез,

Но вы мне все еще любезны,

Листочки клейкие берез.

Быть может, Господи, я грешен:

Прости! Но солнцем кратких дней

я все же более утешен,

Чем темной вечностью Твоей.

Вторая половина 1890-х годов

«Еще люблю тебя, родная...»

Еще люблю тебя, родная,
Хотя, как смерть, любовь – тиха,
Как зелень вечно молодая
Неумирающего мха.

И пусть потух весенний пламень:
Я душу верную твою
Любовью верною люблю,
Как любит мох – надгробный камень.

<1899>

«Октябрьский снег первоначальный...»
Октябрьский снег первоначальный..
В тиши покинутых садов
Как листья желтые печальны
На раннем саване снегов!

Дивясь немых аллей безлюдью,
На темном зеркале пруда
Как режет лебедь белой грудью
Стекло предутреннего льда!

И там, у солнечного берега,
Как в первый раз побеждена
Сей мертвой белизною снега
Живая крыльев белизна!

<1899>

СТАВАТ МАТЕР

На Голгофе, Матерь Божья,
Ты стояла у подножья
Древа Крестного, где был
Распят Сын Твой, и, разящий,
Душу Матери скорбящей
Смертной муки меч пронзил.
Как Он умер, Сын Твой нежный,
Одинокий, безнадежный,
Очи видели Твои...

Не отринь меня, о дева!
Дай и мне стоять у древа,
Обагреного в крови,
ибо видишь – сердце жаждет
Пострадать, как Сын Твой страждет.
Дева дев, родник любви,
дай мне болью ран упиться,
крестной мукой насладиться,
Мукой Сына Твоего;
чтоб, огнем любви сгорая,
и томясь, и умирая,
мне увидеть славу рая
в смерти Бога моего.

<1899>

опять весна
и опять слепой надежде
люди сердце отдают.
Соловьи в лесах, как прежде,
в ночи белые поют

и опять четы влюбленных
в рощи юные бегут,
счастью взоров умиленных
снова верят, снова лгут.

но не радуется, не мучит,
негой страстною полна,
лишь бесстрастием сердце учит
сердцу чуждая весна.

15 мая 1899

«люблю мой камень драгоценный...»
люблю мой камень драгоценный:
в его огне заключено –
знак искупления сокровенный –
в кровь претворенное вино.

О сердце, будь как этот камень:
Своей судьбе не прекословь
И претворяй в бессмертный пламень
Всех мук своих живую кровь.

1904

«Кто ты, он или она...»
Кто ты, он или она,
Мой сообщник ли таинственный,
Мне сестра, или жена,
Враг ли мой, иль друг единственный, –

Я не знаю, но люблю
С вечной нежностью напрасною
Душу темную твою,
Душу темную и ясную.

Если в жалости к себе
Малодушно я упорствую, –
Все же верен я тебе
И судьбе моей покорствую.

Там, в заре иного дня,
Где стезя светлеет мрачная,
Знаю, встретишь ты меня –
И свершится тайна брачная.

1904

«Ослепительная снежность...»
Л. Н. В<ильки>ной
Ослепительная снежность,
Усыпительная нежность,
Безнадежность, безмятежность –
и бело, бело, бело.
Сердце бедное забыло
Все, что будет, все, что было,
Чем страдало, что любило –
Все прошло, прошло, прошло.

Все уснуло, замолчало,
Где конец и где начало,
Я не знаю, – укачало,
Сани легкие скользят,
И лечу, лечу без цели,
Как в гробу иль в колыбели,
Сплю, и ласковые ели
Сон мой чуткий сторожат.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,
Только тихо стынет кровь.
И бело, бело безбрежно,
Усыпительно и нежно,
Безмятежно, безнадежно,
Как последняя любовь!

10 января 1906

Иматра

АМАЛИИ

Ты – горящий, устремленный,
В темноте открытый глаз.
От руды неотделенный
И невспыхнувший алмаз.

Ты – стесненное ножами
Пламя острого меча.
Пред святыми образами
Незажженная свеча.

Но не бойся: многоцветный,
Загорится твой алмаз.
Первой бледности рассветной
Не пропустит жадный глаз.

В Змея темного вопьется

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Пламя светлое меча,

И пред Господом зажжется
Негасимая свеча.

Ты откроешь ли мне душу,
Как цветок – ночной росе.
Хочешь – сны твои нарушу?
Хочешь – спи и будь как все?

Всем, кто спит, – видений сладость,
Сонный плач и сонный смех,
Но божественная радость
Пробужденья – не для всех.

Ты не можешь? Ты не смеешь?
Берегись же: так уснешь,
Что проснуться не успеешь,
Жизнь без жизни проживешь.

Ты едва открыла очи.
Да иль нет? Ответь. Я жду.
Нет? Ну, что же, доброй ночи,
Спи спокойно. Я уйду.

1907

Париж

ЧУЖБИНА-РОДИНА

Нам и родина – чужбина,
Всюду путь и всюду цель.
Нам безвестная долина –
Как родная колыбель.
Шепчут горы, лаской полны:
«Спи спокойно, кончен путь!»
Шепчут медленные волны:
«Отдохни и позабудь!»

Рад забыть, да не забуду;
Рад уснуть, да не усну.
Не любя, любить я буду

И, прокляв, не прокляну:

Эти бледные березы,
И дождя ночные слезы,
И унылые поля...

О, проклятая, святая,
О, чужая и родная
Мать и мачеха земля!

1907

«Ты ушла, но поздно...»

Ты ушла, но поздно:
Нам не разлюбить.
Будем вечно розно,
Вечно вместе жить.

Как же мне, и зная,
Что не буду твой,
Сделать, чтоб родная
Не была родной?

1907

«Я всех любил, и всех забыли...»

Я всех любил, и всех забыли
Мои неверные мечты.
Всегда я спрашивал: не ты ли?
И отвечал всегда: не ты.

Так дольних роз благоуханье,
Увядших в краткий миг земной,
Не есть ли мне напоминанье
О вечной Розе, об Одной?

<1908>

«Ужель мою святыню...»

Ужель мою святыню
Ты не поймешь вовек,
И я люблю рабыню,
Свободный человек?

Ужели тщетны муки, –
Цепей не разорвать,
И скованные руки
Могу ли целовать?

<1909>

«В небе, зеленом, как лед...»
В небе, зеленом, как лед,
Вешние зори печальней.
Голос ли милый зовет?
Плачет ли колокол дальний?

В небе – предзвездная тень,
В сердце – вечерняя сладость.
Что это, ночь или день?
Что это, грусть или радость?

Тихих ли глаз твоих вновь,
Тихих ли звезд ожидаю?
Что это в сердце – любовь
Или молитва – не знаю.

<1909>

ДА НЕ БУДЕТ
Надежды нет и нет боязни.
Наполнен кубок через край.
Твое прощенье – хуже казни,
Судьба. Казни меня, прощай.

Всему я рад, всему покорен.
В ночи последний замер плач.
Мой путь, как ход подземный, черен –
И там, где выход, ждет палач.

<1909>

НОЧНАЯ ПЕСНЯ СТРАННИКА
Der du von Himmel bist
Goethe [4]
Ты, о, неба лучший дар,

Все печали исцеляющий, –
Чем болезненнее жар,
Тем отрадней утоляющий!

Путь все тот же впереди –
Что мне, грустный или радостный...
Ах, устал я! Отдых сладостный,
О, приди, приди!

13 сентября 1909

Гамбург

«Люблю иль нет, – легка мне безнадежность...»
Люблю иль нет, – легка мне безнадежность:
Пусть никогда не буду я твоим,
А все-таки порой такая нежность
В твоих глазах, как будто я любим.

Не мною жить, не мной страдать ты будешь,
И я пройду, как тень от облаков;
Но никогда меня ты не забудешь,
И не замрет в тебе мой дальний зов.

Приснилась нам неведомая радость,
И знали мы во сне, что это сон...
А все-таки мучительная сладость
Есть для тебя и в том, что я не он.

<1910>

«На те холмы, в леса сосновые...»
На те холмы, в леса сосновые,
Где пахнет горькая полынь,
Уйти бы в верески лиловые
Благоухающих пустынь.

Там безмятежней грусть закатная
И умиленней тишина,
Свежее в травах свежесть мятная
И непорочнее весна.

А чуть блеснет сквозь хвои сонные,
Как сквозь ресницы, луч светил, –
Курятся смолы благовонные,
Как дым бесчисленных кадил.

22 апреля 1910

«И снилось мне: заря туманная...»
И снилось мне: заря туманная,
В полях густеющая мгла,
И сосен кровь благоуханная –
Светлотекущая смола.

И кто-то мне родимым голосом
Все то же на ухо твердит, –
Так в сентябре несжатым колосом
Пустая нива шелестит.

Но тайна слов тех не разгадана...
Гори, последний свет, гори,
И смолью сосен, дымом ладана
Курись, кадельница зари!

12 августа 1910

«Затихших волн сиянье бесконечно...»
Затихших волн сиянье бесконечно
Под низким, жарким солнцем декабря.
Прозрачно все и так нетленно-вечно,
Как мотылек в обломке янтаря.

Багровых скал в бездонной чаше синей
Волшебное сомкнулось кольцо.
У ног моих ночной седеет иней,
И дышит зной полуденный в лицо.

О, зимних дней уютная короткость,
В очаровании застывший лес,
И хвойных игл недвижимая четкость
В неизъяснимой ясности небес.

О, райская, блаженная пустыня,
Где и доднесь, как древле, сходит Бог,
Где все – одна любовь, одна святыня –
Уже и здесь нездешнего залог.

И пусть на миг, – но сердце не забудет
Того, что ныне сердцем я постиг.
И знаю: там уже навеки будет,
Что здесь – на миг.

1910

Эстерель-Агэ

«Как наполняет храм благоуханье...»

Как наполняет храм благоуханье

Сожженных смол,

Так вересков наполнило дыханье

Вечерний дол,

И сладостно, как бред любви, жужжанье

Декабрьских пчел.

<1912>

ОСЕННЕЕ-ВЕСЕННЕЕ

1. «Еще роса на сжатый колос...»

Еще роса на сжатый колос

Хрустальной сеткой не легла,

И желтых лент в зеленый волос

Еще береза не вплела.

О, как медлительно прощанье

Склоненных солнечных лучей!

О, как торжественно молчанье

Уже пустеющих полей!

И мнится: кончены боренья,

Исчезло время, смерть и зло, –

И видит вновь, как в день творенья,

Господь, что все добро зело.

2. «Купальницы болотные...»

Купальницы болотные,
Вы снова зацвели,
О, дети беззаботные,
Доверчивой земли!

Поля уже пустынное,
Леса уже молчат,
А ваш еще невиннее
Весенний аромат.

Весенние, осенние, –
Начало и конец,
Еще мне драгоценнее
Ваш золотой венец.

Вы снова пламенеете,
как будто в первый раз:
Вы любите, вы смеете, –
И август – май для вас.

<1913>

НЕ-ДЖИОКОНДЕ

И я пленялся ложью сладкою,
Где смешаны добро и зло;
И я Джиокондовой загадкой
Был соблазнен, – но то прошло;

Я всех обманов не-таинственность,
Тщету измен разоблачил;
Я не раздвоенность – единственность
И простоту благословил.

Люблю улыбку нелукавую
На целомудренных устах
И откровенность величавую
В полумладенческих очах.

Люблю бестрепетное мужество
В пожатье девственной руки

И незапятнанное дружество
Без угрызенья и тоски.

Я рад тому, что ложью зыбкою
Не будет ваше «нет» и «да».
И мне Джиокондовой улыбкою
Не улыбнетесь никогда.

1913

«О, как порыв любви бесплоден...»
О, как порыв любви бесплоден,
Мой огонек в ночных степях!
Как бесполезно я свободен,
Как безнадежно ты в цепях!

Но пусть нас ужас ждет безвестный,
Пусть вся в крови, едва дыша
И падая под ношей крестной,
Влачится бедная душа.

Любовь есть ожиданье чуда,
Любовь безумно чуда ждет,
Не знаю, как, когда, откуда, —
Но знаю, что оно придет.

<1914>

«Все кончается смертью, все кончается сном...»
Все кончается смертью, все кончается сном.
Буйных надежд истощил я отвагу...
Что-то устал я... ну-ка прилягу...
Все кончается смертью, все кончается сном.

Гроб — колыбель... теперь и потом...
Было и будет, будет и было...
Сердце любило, сердце забыло...
Все кончается смертью, все кончается сном.

<1914>

ОТШЕЛЬНИК И ФАВН Из Гете

Раз отшельник повстречал
Козлоногого в пустыне.
«Я пришел к твоей святыне, –
Так смиренно Фавн сказал, –
Помолись-ка в добрый час,
Чтобы в рай пустили нас».
«Я бы рад, – подвижник строгий
Отвечает, – но прости:
Не дадут вам козьи ноги
В царство Божие войти».
«Чем мешает, – Фавн ответил,
Вам козлиная нога?
Уж не слишком ли строга
Ваша милость? Я заметил,
Как входили в рай святой
И с ослиной головой!»

<1914>

«Опять горит меж темных сосен...»
Опять горит меж темных сосен
Весны вечерняя звезда,
И всех увядших милых весен
Мне вспоминается чреда.

И пусть тоскую неутешней
С весною каждою, но есть
В дыханье первом неги вешней
Для сердца слышащего весть.

И пусть вся жизнь – глухая осень;
Ведет в правдиво-лживом сне
Меня чреда увядших весен
К неувядающей весне.

1914

«О, мука вечной жажды...»
О, мука вечной жажды!

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
О, тщетная любовь!

Кто полюбил однажды,
Тот не полюбит вновь.

Смиренью учат годы:
Как все, терпи, живи;
Нет любящим свободы,
Свободным нет любви.

Узла ты не развяжешь,
Не сможешь ты уйти
И никогда не скажешь:
«Я не люблю, – прости».

Но жизни злая сила
Навек меня с тобой,
Как смерть, разъединила
Последнюю чертой.

Мы любим и не любим,
Живем и не живем;
Друг друга не погубим,
Друг друга не спасем.

И, как о милой тени,
Хотел бы я рыдать,
Обняв твои колени, –
И ничего не ждать.

1914

«Я от жажды умираю...»
Я от жажды умираю,
дай мне пить, – тебя молю.
Грех ли, свято ли, – не знаю,
Только знаю, что люблю.

Заколдованного круга
Никогда не разомкнешь,
И таинственного друга

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
От себя не оттолкнешь.

Счастлив я или страдаю,
Гибну я или гублю,
Ничего уже не знаю, –
Только знаю, что люблю.

1914

«Пусть же дьявол ликует...»

Пусть же дьявол ликует,
Как еще никогда;
Древний хаос бушует,
И пылает вражда;

Пусть любовь холодеет,
Каменеют сердца, –
Кто любить еще смеет,
Тот люби до конца.

<1915>

ИЗ ДНЕВНИКА

1

Я знаю: счастья будет мало,
Еще страшнее будет жить,
Но так устало, так устало,
Устало сердце не любить,

Что вот на все душа готова,
И я судьбу благословлю
За то, что я страдаю снова,
За то, что снова я люблю.

2

Мне жаль, что жизнь твоя бесследной
И мимолетней сна пройдет
И что заря любви последней
Над жизнью темной не блеснет;

Твои опущенные веки
Никто не будет целовать,

И не узнаешь ты вовеки,
Какое счастье – счастье дать.

3

Суждены пути нам розные, –
Не сойдемся никогда.
От былого годы грозные
Не оставят и следа.

Но того, что сердцу радостно,
Рок не может изменить:
Быть любимым как ни сладостно
Все же сладостней любить.

4

Уж хлопья снега вверх и вниз,
Как мухи белые, летали,
Уже цветы мои увяли,
И умер, умер Адонис...

И в черной стуже ноября
О светлом боге я тоскую
И с тайной нежностью целую
Холодный пепел алтаря.

5

Мне ничего не надо:
В душе моей покой,
И тихо сердце радо,
Что я опять с тобой.

С тобою быть – отрада;
О большем не молю.
Как тихо сердце радо,
Как просто я люблю!

6

Моей любви святая сила
Тебя навеки оградила;
Мое спокойно торжество,
И так, как ты меня любила,

Ты не полюбишь никого.

7

– Кто ты? Друг? – Не друг. – А кто же?

– Я чужой среди чужих,
Дальше всех и всех дороже –
Твой таинственный жених.

Наш чертог во мраке светит,
Ризу брачную готовь:
На пороге смерти встретит
Нас бессмертная любовь.

8

Я край одежд Твоих лобзаю,
Я жизнь готов Тебе отдать,
Но не дерзаю, не дерзаю
Тебя по имени назвать.

И пусть над жадною пучиной
Разбита утлая ладья, –
Моя любовь – Тебе Единой,
Тебе Единой – песнь моя!

1915

КАССАНДРА

Испепелил, Святая Дева,
Тебя напрасный Фэбов жар;
Был даром божеского гнева
Тебе предзнанья грозный дар.

Ты видела в нетщетном страхе,
Как вьется роковая нить;
Ты знала все, но пальцев пряжи
Ты не могла остановить.

Провыла псица Аполлона:
«Огонь и меч!» – народ не внял,
И хладный пепел Илиона
Кассандру поздно оправдал.

Ты знала путь к заветным срокам,
И в блеске дня ты зрела ночь.
Но мщение судеб пророкам:
Все знать – и ничего не мочь.

<1922>

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Склоняется солнце, кончается путь;
Ночлег недалеко – пора отдохнуть.

Хвала Тебе, Господи! Все, что Ты дал,
Я принял смиренно, – любил и страдал.

Страдать и любить я готов до конца
И знать, что за подвиг не будет венца.

Но жизнь непонятна, а смерть так проста;
Закройтесь же, очи, сомкнитесь, уста!

Не слаще ли сладкой надежды земной –
Прости меня, Господи! – вечный покой?

<1923>

ПЕСНЬ ПАРОК ИЗ «ИФИГЕНИИ» Гете

«О, смертное племя,
Бессмертных страшись!
Бразды они держат
В предвечной деснице,
И делают боги
С людьми, что хотят.

Кто ими возвышен,
Тот бойся их дважды!
На скалах и тучах
Расставлены стулья
У трапез златых.
Подъемлется распря –
И падают гости

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
С бесчестьем и срамом

В ночные глубины,
И, скованы мраком,
Вотще правосудья
Невинные ждут.

А боги пируют,
В веселии вечном,
У трапез златых;
С вершин на вершину
Ступают чрез бездны, –
И к ним из ущелий
Дыханье титанов,
Задушенных в безднах,
Восходит туманом,
Как жертвенный дым.

Свой взор благодатный
Они отвращают
От целых родов,
И вновь повторенный
Лик деда во внуках,
Когда-то любимый,
Узнать не хотят».

Так пели три Парки.
И старец-изгнанник
В подземной пещере,
Той песне внимая
И думая думу
О детях и внуках,
Качал головой.

<1924>

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ БАРЕЛЬЕФ

Памяти В. А. Жуковского
Euridicen toto referebant flumine ripae
Vergilii, Georg. IV [5]
Шел, возвращаясь из ада, Орфей со своей Евридикой.

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Все миновали преграды, и только на самом пороге

Остановился и, клятву забыв, на нее оглянулся,
Светом уже озаренную. «Горе! – она возопила. –
Горе! Какое безумье тебя и меня погубило!
Неумолимая участь обратно меня отзывает,
Друг мой, прости же навеки! Дремой затуманились очи,
И от тебя уношусь я, объятая тьмой бесконечной,
Слабые руки к тебе я – уже не твоя – простираю!»
Так простонала и дымом растаяла в воздухе легком.
Ловит он тень ее, с ней говорит, но ее уж не видит...

Там на высокой скале у пустынного Стримона плачет
Горький певец, изливая печаль свою в хладных пещерах,
И укрощаются звери, и дубы сдвигаются песнью.
Так филомела в тени серебристого тополя плачет,
Если птенцов из гнезда ее пахарь жестокий похитит;
Плачет она по ночам, повторяя унылую песню,
И наполняет стеньящую жалобой темные дали...

Раз он любил – и уже никогда никого не полюбит;
В льдистой пустыне Рифеевой, в вечных снегах Танаиса,
В полночи Гиперборейской певец одинокий блуждает,
Тщетную милость Аида клянет и зовет Евридику...

Презрены им Киконийские жены, но отомстили:
В таинствах Вакха ночных, в исступленьях святых
растерзали

Юное тело и по полю члены его разметали,
Голову жалкую волны глубокого Эбра катили,
А замирающий голос все еще звал Евридику.
«О, Евридика!» – душа его повторяла и в смерти,
И отзывалось эхо в прибрежных скалах: «Евридика!»

<1924>

ПСАЛОМ ЦАРЯ АХЕНАТОНА

Чудно явленье твое на востоке,
Жизненаачальник Атон!

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Когда восходишь ты на краю небес,
То наполняешь землю красотой твоей.
Ты прекрасен, велик, лучезарен, высок!
Всю тварь обнимают лучи твои,
Всех живых пленил ты в свой плен –
Заклучил в узы любви.

Ты далек, но лучи твои близко;
Шествуешь в небе, но день – твой след на земле.
Когда же почиешь на западе –
Люди лежат во тьме, как мертвые;
Очи закрыты, головы закутаны;
Из-под головы у них крадут – не слышат во сне.
Всякий лев выходит из логова,
Из норывыползает всякая гадина:
Воздремал Творец, и безглагольна тварь.

Ты восходишь – земля просвещается;
Посылаешь лучи твои – мрак бежит.
Люди встают, омывают члены свои,
Облекаются в ризы свои.
Воздевают руки, молятся;
И выходит человек на работу свою.

Всякий скот пасется на пастбище,
Всякий злак зеленеет в полях;
Птицы порхают над гнездами,
Подымают крылья, как длани манящие;
Всякий ягненок прыгает,
Всякая мошка кружится:
Жизнью твоей оживают, Господи!

Лодки плывут вверх и вниз по реке;
Все пути тобой открываются.
Рыбы пляшут в воде пред лицом твоим;
Проникают лучи твои в сердце морей.

Ты образуешь зародыш в теле жены,

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
В теле мужа семя творишь.

Сохраняешь дитя во чреве матери,
Утешаешь его, чтоб не плакало,
Прежде чем его утешит мать.

Шевелится ли птенчик в яйце своем –
Ты даешь ему дыхание
И силу разбить скорлупу.
Выходит он из яйца, шатается,
А голосом своим уже зовет тебя.

Как многочисленны дела твои, Господи,
Как сокровенны, Единый, Ему же нет равного!
Создал ты землю по сердцу твоему,
Когда никого с тобой не было в вечности;
И человеков создал, и скотов полевых,
И ходячее на ногах по земле,
И парящее на крыльях в воздухе.

Создал Сирию, Нубию, а также Египет.
Каждый народ утвердил ты в земле его,
Каждому все сотворил на потребу,
Меру жизни и пищу отмерил им,
Разделил племена их поговору,
И по цвету лица, и по образу.

Нил извел ты из мира подземного,
Да насытишь благами людей твоих;
Нил другой сотворил ты на тверди небес,
Чтобы воды его низвергались дождем,
Напоили диких зверей на горах
И поля и луга орошали.

Как велики дела твои, Господи!
Нил небесный ты дал чужеземцам,
Нил подземный – египтянам.

Кормишь всякий злак, как дитя свое.
Времена года ты создал для тварей своих:

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Зиму – да прохлаждаются,
Лето – да вкушают тепло твое.

Создал небеса далекие,
Дабы созерцать из них всю тварь свою.
Приходишь, уходишь, возвращаешься
И творишь из себя, из Единого,
Тысячи тысяч образов:
Племена, города и селенья,
И поля, и дороги, и реки, –
Видят все вечное солнце твое.
Твой восход – им жизнь, твой закат – им смерть.

Когда полагал основание земли,
Открыл ты мне волю свою,
Сыну своему, вечно существу, от Отца исходящему...
Ты, Отец, в сердце моем,
И никто тебя не знает,
Знаю только я, твой сын,
Ахенатон Уаэнра!
Радость-Солнца, Сын-солнца-единственный!

<1926>

«Плавают лебедь в воде замерзающей...»
Плавают лебедь в воде замерзающей,
Но уже с трудом;
Скоро сожмет ее лед мерцающий
Мертвым кольцом.

Выйдет на лед птица белая,
Будет скользить.
Глупая, бедная,
Не умеет ходить.

А звездная тайна полночная,
Как улыбка моя.
И падает лебедь беспомощно,
Как я, как я!

<1926>

ВДРУГ

Иногда бывает так скучно,
Что лучше бы на свет не смотреть,
Как в подземном склепе, душно,
И мысль одна: умереть!

Может быть, России не будет, –
Кто это понял до дна?
Разве душа забудет,
Разве забыть должна?

И вдруг все меняется чудно,
Сердце решает: «пусть!»
И легко все, что было так трудно,
И светла, как молитва, грусть.

Кто сотрет главу Змия, –
Знаю, веря, любя.
Только из рук Господних, Россия,
Только из них мы примем тебя!

1928

СОННОЕ

Что это – утро, вечер?
Где это было, не знаю.
Слишком ласковый ветер,
Слишком подобное раю,
Все неземное – земное.
Только бывает во сне
Милое небо такое, –
Синее в звездном огне.
Тишь, глушь, бездорожье,
В алых маках межи.
Русское, русское – Божье
Поле зреющей ржи!
Господи, что это значит?

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Жду, смотрю не дыша,
И от радости плачет,
Богу поет душа.

1928

ОДУВАНЧИКИ

«Блаженны нищие духом...»

Небо нагорное сине;
Верески смольным духом
дышат в блаженной пустыне;
Белые овцы кротки,
Белые лилии свежи;
Геннезаретские лодки
Тянут по заводи мрежи.
Слушает мытарь, блудница,
Сонм рыбаков Галилейских;
Смуглы разбойничьи лица
У пастухов Идумейских.
Победоносны и грубы,
Слышатся с дальней дороги
Римские медные трубы...
А Равуни босоногий
Все повторяет: «Блаженны...»
С ветром слова улетают.
Бедные люди смиренны, –
Что это значит, не знают.
Слушают, не разумея;
Кто это, сердце не спросит.
Ветер с холмов Галилеи
Пух одуванчиков носит.
«Блаженны нищие духом...»
Кто это, люди не знают,
Но одуванчики пухом
Ноги Ему осыпают.

1928

Я НЕ БЫЛ СЧАСТЛИВ НИКОГДА

Я не был счастлив никогда,
Из чаши сладостной я не пил.
Так за годами шли года;
Огонь потух, остался пепел.

И в вечер поздний и туманный
Огня у пепла не прошу,
Лишь теплотой благоуханной,
Склонясь к нему лицом, дышу.

О, пусть же все несовершенно, –
Во всем – таинственная весть,
И Бога моего смиренно
Благодарю за все, что есть.

1929

ГЛАВНОЕ

Доброе, злое, ничтожное, славное, –
Может быть, это все пустяки,
А самое главное, самое главное,
То, что страшней даже смертной тоски, –

Грубость духа, грубость материи,
Грубость жизни, любви – всего;
Грубость зверихи родной, Эсэсэрии, –
Грубость, дикость – и в них торжество.

Может быть, все разрешится, развяжется?
Господи, воли не знаю Твоей,
Где же судить мне? А все-таки кажется,
Можно бы мир создать понежней!

<1930>

ПЯТАЯ

Бедность, чужбина, Немошь и Старость,
Четверо, четверо, все вы со мной,
Все возвещаете вечную радость –
Горю земному предел неземной.

Темные сестры, древние девы,
Строгие судьи во зле и добре,
Сходитесь ночью, шепчетесь все вы,
Сестры, о пятой, о старшей Сестре.

Шепот ваш тише, все тише, любовней;
Ближе, все ближе звездная твердь.
Скоро скажу я с улыбкой сыновней:

Здравствуй, родимая Смерть!

<1930>

ЛЕГЕНДЫ И ПОЭМЫ

ВОСТОЧНЫЙ МИФ

Взлелеянный в тиши чертога золотого,
Царевичникогда не видел мук и слез,
Про зло не говорил никто ему ни слова,
И знал он лишь одно о силе черных гроз,
Что после них в саду свежее пурпур роз.
Он молвил раз: «Отец, мешает мне ограда
Смотреть, куда летят весной журавли,
Мне хочется узнать, что там, за дверью сада,
Мне что-то чудится волшебное вдали..
Пусти меня туда!..» И двери отворились,
И, светлый, радостный, едва блеснул восход,
Царевич выехал на север из ворот.
Из шелка веера и зонтики склонились,
Гремела музыка, и амброй дорогой
Кропили путь его, как свежую росой.
Но вдруг на улице, усеянной цветами,
В ликующей толпе он видит, как старик
С дрожащей головой, с потухшими очами
На ветхую клюку беспомощно поник.
И конюха спросил царевич изумленный:
«О что с ним?.. Взор его мне душу леденит..
Как страшен бледный лик и череп обнаженный.
Беги ему помочь!..» Но конюх говорит:

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
«Помочь ему нельзя: то старость роковая,
С тех пор, как потерял он юность и красу,
Покинутый людьми, живет он, угасая,
Забут и одинок, как старый пень в лесу.
Таков удел земной!..» – «О, если так, – довольно,
Не надо музыки и песен, и цветов.
Домой, скорей домой!.. Мне тягостно и больно
Смотреть на счастье бессмысленных глупцов.
Как могут жить они, любить и веселиться,
Когда спасенья нет от старости седой;
И стоит ли желать и верить, и стремиться,
Когда вся жизнь – лишь бред! Домой, скорей домой!..»
Семь дней прошло, и вновь, едва блеснул восход,
Царевич выехал на полдень из ворот.
Душистой влагою пропитанные ткани
Над пыльной улицей раскинули навес,
Светился золотом в дыму благоуханий
Хоругвий и знамен колеблющийся лес.
Но в праздничной толпе, что весело шумела,
Забутый, брошенный им встретился больной.
И пес ему в пыли на ранах лижет гной,
И в струпьях желтое, измученное тело
От холода дрожит, меж тем как знойный бред
Зрачки воспламенил, и юноша несмело
Спросил о нем раба, и раб ему в ответ:
«Недуг сразил его: мы немощны и хрупки,
Как стебли высохшей травы: недуг – везде,
В лобзаньях женщины и в пенящемся кубке,
В прозрачном воздухе, и пище, и воде!..»
И юноша в ответ: «О горе! жизнь умчится!
Как детская мечта, как тень от облаков,
И вот, где цель борьбы, усилий и трудов,
И вот, во что краса и юность превратится!..
О горе, горе нам!..» И бледный и немой
Вернулся в свой чертог царевич молодой.
Семь дней прошло, и вновь, едва блеснул восход,

Царевич выехал на запад из ворот.
Гирлянды жемчуга таинственно мерцали,
И дети лепестки раздавленных цветов
За колесницу с любовью подымали,
И девы, падая у ног коней, лобзали
На мягком пурпуре разостланных ковров
Глубокие следы серебряных подков.
Но вдруг пред ним – мертвец: без страха, без надежды,
Окутан саваном и холоден, и нем –
В недоумении сомкнувшиеся вежды
Он в небо обратил, чтобы спросить: зачем?
Рыдали вокруг него – отец, жена и братья,
И волосы рвала тоскующая мать,
Но слышать не хотел он ласки и проклятья,
На жаркие мольбы не мог он отвечать.
И юноша спросил в мучительной тревоге:
«Ужель не слышит он рыдающую мать,
Зачем уста его так холодны и строги?..»
Слуга ему в ответ: «Он мертв, он навсегда
Ушел от нас, ушел неведомо куда,
В какой-то чуждый мир, безвестный и далекий.
И яму выроют покойнику в земле,
Он будет там лежать в сырой, холодной мгле,
Без помыслов, без чувств, забытый, одинокий,
И черви труп съедят, и от того, кто жил,
Исполненный огня, любви, надежд и страха,
Останется лишь горсть покинутого праха.
Потом умрут и те, кто так его любил,
кто ныне гроб его со скорбью провожают,
За листьями листы под вьюгой улетают –
И люди за людьми под бурю времен.
Вся жизнь – о гибнущих один лишь стон печальный,
Весь мир – лишь шествие великих похорон,
И солнце вечное – лишь факел погребальный!..»
И юноша молчал, и бледный, как мертвец,

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Без ропота, без слез вернулся во дворец.

Как в нору зверь больной, настигнутый врагами,
Бежал он от людей и в темном уголке
К колонне мраморной припал в немой тоске
Пылающим лицом с закрытыми глазами,
Забыв себя и мир, забыв причину мук,
Лежал, не двигаясь – бесчувственный, безмолвный...
Ночные сумерки плывут, плывут, как волны,
И все темней, темней становится вокруг...
С тех пор промчались дни; однажды, в час вечерний
Царевич вышел в степь; без свиты и рабов,
Один среди камней и запыленных терний
Глядел он на зарю, глядел без прежних снов
На дальние гряды темневших облаков.
И вдруг он увидал: по меркнувшей дороге
В смиренной простоте идет к нему старик:
В приветливых чертах – ни горя, ни тревоги,
И тихой благостью спокойно дышит лик.
Он не был мудрецом, учителем, пророком,
Простым поденщиком он по миру бродил,
Не в древних письменах, не в книгах находил,
А в сердце любящем, свободном и широком –
Все то, что о добре он людям говорил.
Одежда грубая, котомка за плечами
И деревянный ковш – вот все, чем он владел,
Но, дружный с волею, пустыней и цветами,
На пышные дворцы он с жалостью глядел.
С открытой головой, под звездной ширью неба
Ночует он в степи и не боится гроз,
Он пьет в лесных ключах, он сыт лишь коркой хлеба;
Не страшны для него ни солнце, ни мороз,
Ни муки, ни болезнь, ни злоба, ни гоненья.
Он жаждет одного: утешить, пожалеть,
Помочь – без дум, без слов и разделить мученья,
И одинокого любовью отогреть.
Он весь был жалостью и жгучим состраданьем

К животным, париям, злодеям и рабам,
Ко всем страдающим, покинутым созданьям,
Он их любил, как брат, за что – не зная сам.
Он понял их нужду, он плакал их слезами,
Учил простых людей и делал все, что мог,
Страдал и жил, как все, не жалуясь на рок,
И в будничной толпе работал с бедняками.
Как удивился он – веселый, простодушный –
Из уст царевича услышав детский бред,
Что верить нечему, что в жизни цели нет,
Что человек – лишь зверь порочный и бездушный.
Меж тем как пламенный мечтатель говорил,
Качал он головой с улыбкой добродушной
И с кроткой жалостью одно ему твердил,
Не внемля ничему: «О, если б ты любил!..»
И от него ушел царевич раздраженный,
Озлобленный, больной вернулся он в чертог,
На ложе бросился, но задремать не мог,
И кто-то в тишине холодной и бессонной
Упрямо на ухо твердил ему, твердил
Безумные слова: «О, если б ты любил!..»
Тогда он встал, взглянул на блещущие вазы,
На исполинский ряд порфировых столбов
С кариатидами изваянных слонов,
На груды жемчуга, и пурпур, и алмазы,
И стыд проснулся в нем, к лицу во тьме ночной
Вся кровь прихлынула горячею волной:
«Как в этой роскоши, не видел слез и муки,
Я жизнь дерзнул назвать ничтожной и пустой,
Чтоб, не трудясь, сложить изнеженные руки,
Владея разумом и силой молодой!..»
Как будто мог понять я смысл и цель вселенной,
Больное, глупое, несчастное дитя,
Без веры, без любви решал я дерзновенно
Вопросы вечные о тайнах бытия.

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
А за стеной меж тем – все громче крик и стоны,

И холодно взирал я с высоты моей,
Как там во тьме, в крови теснятся миллионы
Голодных, гибнущих, истерзанных людей.
На ложе золотом, облитый ароматом,
Смотрел, как тысячи измученных рабов
Трудились для меня под тяжестью оков,
Упитанный вином, пресыщенный развратом,
Я гордо спрашивал: „Как могут жить они,
Влача позорные, бессмысленные дни?“
Но прочь отсюда, прочь!.. Душе пора на волю –
Туда, к трудящимся, смиренным и простым,
О, только б разделить их сумрачную долю,
И слиться, все забыв, с их горем вековым!
О, только б грудь стыдом бесплодно не горела,
Последним воином погибну я в борьбе,
Чтоб жизнь отдать любви, я выберу себе
Глухое, темное, неведомое дело.
Не думать о себе, не спрашивать: зачем?
На муки и на смерть пойти, не размышляя,
О, лишь тогда в любви, в простой любви ко всем
Я счастье обрету, от счастья убегая!»

1887

СТАРЫЙ ГУД Осетинское предание

«Отец, о чем это стонет метель?..»
Из горских песен
Там, где смерть и вечный холод,

Бури вой и рев лавин,
Старый Гуд живет, владыка
Гор, потоков и стремнин.
В ледниках за облаками
Белый снег – его постель,
Черный вихрь – его одежда,
Борода его – метель.

И когда он над горами
Мчится, бешенством объят, –
Водопады цепенеют,

Скалы вечные дрожат.
Но однажды гений смерти,
Этот дух враждебных сил,
Одинокую пастушку
Гор окрестных любил.
Бог стихий неукротимых,
Разрушенья мрачный бог
Целовал в траве весенней
Легкий след девичьих ног.
Он хранил ее, лелеял,
Баловал и на венки
Ей растил по горным кручам
Алый мак и васильки.
Чтобы мягче было ножкам –
Мох зеленый расстилал,
На пути ее горстями
Землянику рассыпал.
А заблудится, бывало, –
Через бешеный поток
Изо льда ей перекинёт
Он серебряный мосток.
Сколько раз ее от смерти
Он спасал, но от греха
Не сберег, – его малютка
Полюбила пастуха.
Старый Гуд не может сердце
Гордой девы победить,
И ревнует, и не знает,
Как счастливцам отомстить.
Раз любимого ягненка
Не могли они найти,
Заблудились, – ночь и вьюга
Их застали на пути.
Тьма кругом; зашли в пещеру,
Разложили огонек;

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Озарился теплым светом

Их уютный уголок.

Между тем как за стеною

Вой метели все грозней,

Разговор их тише, тише,

Поцелуи – горячей...

Стонет Гуд, ревет от злобы, –

А они за огоньком,

Беззаботные, смеются

Над ревнивым стариком.

«Будь моей!..» – она слабеет,

Отдается... Вдруг скала

Страшно вздрогнула, и буря

Всю пещеру потрясла.

Гром затих, – настала сразу

Тишина. Он поднял взгляд,

Побледнел – и мщенье Гуда

Понял, ужасом объят.

Вход пещеры был завален

Глыбой камня, и страшна

После бешеной метели

Гробовая тишина...

Чтоб забыться на мгновенье,

Он прижал ее к груди

И шептал ей: «О подумай,

Сколько счастья впереди!

Будь моей... Не бойся смерти...

Старый Гуд, любовь сильней

Всех стихий твоих враждебных,

Всех мучений и скорбей!»

Но прошло три дня, и голод

Потушил у них в крови

То, что вечным им казалось –

Мимолетный жар любви.

Разошлись они безмолвно,

Как враги, и в их очах

Только ненависть блеснула
И животный, дикий страх.
По углам сидят, как звери,
Смотрят пристально, без слов,
И глаза у них сверкают
В темноте, как у волков.
На четвертый день он тихо
Встал; безумьем взор горел,
Он, дрожа, как на добычу
На любовницу смотрел.
Бродит страшная улыбка
На запекшихся губах,
Нож сверкает в неподвижных,
Грозно поднятых руках.
Подошел, но вдруг протяжно,
Словно ведьма иль шакал,
В щель стены над самым ухом
Старый Гуд захохотал.
А потом все громче, громче,
Необъятней и страшней
Загремела, бог могучий,
Песня ярости твоей.
Визг и хохот, словно в пляске
Мчатся тысячи бесов
И скликаются пред битвой
Миллионы голосов.
Старый Гуд, кружась в метели,
Опьяненный торжеством,
Заливается, хохочет
И ревет сквозь вихрь и гром:
«Не меня ли ты отвергла?
Что же, радуйся теперь!
Посмотри-ка, полюбуйся –
Твой любовник – дикий зверь!»
Но, из рук убийцы вырвав,

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
В сердце собственное нож

Дева гордая вонзила
И воскликнула: «Ты лжешь!
Я сама ему на пищу
Кровь и тело отдаю,
Я любовью победила
Силу грозную твою!..»
Старый Гуд завыл от боли,
Свод пещеры повалил
И несчастных под огромной
Глыбой скал похоронил.
В ледники свои родные
Возвратился мрачный бог,
Но напрасно было мщенье:
Он забыть ее не мог.
Оттого-то зимней ночью
Чей-то долгий, долгий стон
Прозвучит порой в метели:
«Горе мне, я побежден!..»

<1889>

РОДРИГО Испанская легенда
Жил-был честный Родриго, солдат отставной.
Он со службы в село возвращался домой.
Вот идет он и думает: «Что же,
Верой-правдой царю тридцать лет я служил,
И за все восемь медных грошей получил,
Но веселость мне денег дороже,
Я не буду роптать». Между тем по пути –
Видит – нищий стоит: «Христа ради!» – «Прости!
Вот копеечка, братец, не много,
Да уж ты не взъищи: тридцать лет я служил, –
И за все восемь медных грошей получил,
Но не буду роптать я на Бога».
И он дальше пошел, а бедняга опять:
«Христа ради!» – и снова пришлось ему дать.
Восемь раз подходил к нему нищий.

И Родриго давал, все давал от души,
Бедняку он последние отдал гроши
И остался без крова, без пищи.
«Что ж, вольней мне и легче без денег идти».
Он смотрел на цветы, шел и пел на пути:
«Милосердных Господь не забудет».
Говорил ему нищий: «Скажи мне, чего
Ты хотел бы?» – «Чего? Вот мешок. Пусть в него
Все войдет, что желаю!» – «да будет!» –
Молвил нищий, взглянул на него и исчез:
То Христос был – Владыка земли и небес.
И пошел себе дальше Родриго.
Видит – площадь базарная, лавочник спит,
Перед ним колбаса на прилавке лежит
И баранки, и хлеба коврига.
«Полезайте-ка, эй!» – поманил их солдат,
И в мешок колбаса и баранки летят, –
Пообедал на славу Родриго.
Он вернулся в родное село: земляков
Было жаль, да и нечего взять с земляков,
Он забыл про мешок свой чудесный
И работал в полях от зари до зари,
Ближе к Богу в избушке своей, чем цари,
До конца прожил добрый и честный.
«Ох, грехи, – сокрушался порою бедняк, –
Что же праздник – из церкви я прямо в кабак,
Не могу удержаться, хоть тресни.
Как не выпить с товарищем чарки, другой».
Возвращался он за полночь пьяный домой,
Распевая солдатские песни.
Так он жил. Наконец Смерть пришла: «Поскорей
В путь, Родриго!» – «Пойдем, я готов!» – и за ней
Он пошел бодро, весело с палкой
И походным мешком: «Тридцать лет я служил,
И за все восемь медных грошей получил!

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
Что ж, мне с жизнью расстаться не жалко!»

Он идет прямо к раю; со связкой ключей
В светлой ризе привратник стоит у дверей.
Старый воин, как в крепость, бывало,
Входит в рай победителем. «Эй, ты куда? –
Молвил грозно привратник. – Не в рай ли?» – «Ну да!» –
«Подожди-ка, голубчик. Сначала
Расскажи, как ты жил?» – «Тридцать лет я служил,
И работал, и свято отчизну любил.
Разве мало, по-твоему?» – «Мало!
Вспомни, братец, как часто ходил ты в кабак».
Рассердился солдат, закричал: «Если так, –
Полезай-ка в мешок!» – «Что с тобою,
Как ты смеешь!» – «В мешок!» – «Слушай, братец...» –
«В мешок!...»

Тот послушаться воли Христовой не мог,
Делать нечего, влез с головою
Он в солдатский мешок; а Родриго меж тем
Молвил, гордо и смело вступая в Эдем:
«Пусть темна наша жизнь и убога:
Неужели тому, кто работал и жил,
Кто родимой стране тридцать лет прослужил,
Не найдется местечка у Бога».

<1890>

«ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ» легенда
Пришел в Эфес однажды Иоанн,
Спасителя любимый ученик,
И юношу среди толпы заметил
Высокого, прекрасного лицом.
И восхотел души его для Бога,
И научил, и, в вере утвердив,
К епископу привел его, и молвил:
«Меж нами – Бог свидетель: предаю
Тебе мое возлюбленное чадо,
Да соблюдешь ты отрока от зла!»
И град Эфес покинул Иоанн,

И за море отплыл в другие страны.
Епископ же, приняв ученика,
Хранил его и наставлял прилежно,
Потом крестил. Но отрок впал в соблазн
И стал к мужам безумным и блудницам
На вечера роскошные ходить,
И пил вино. Ночным любодееяньем
И кражами он совесть омрачил.
И увлекли его друзья в ущелье
Окрестных гор, в разбойничий вертеп.
Грабители вождем его избрали.
И многие насилья он творил
И проливал людскую кровь...

Два года

С тех пор прошло. И прибыл Иоанн
Опять в Эфес и молвил пред народом
Епископу: «О, брат, отдай мне то,
Что предал я тебе на сохраненье».
Дивился же епископ и не знал,
О чем глаголет Иоанн, и думал:
«О некоем ли золоте меня
Он испытует?» Видя то, Учитель
Сказал ему: «Скорее приведи
Мне юношу того, что на хранение
Доверил я тебе». И, опустив
Главу, епископ молвил со слезами:
«Сей отрок умер». Иоанн спросил:
«Духовною ли смертью иль телесной?»
Епископ же в ответ ему: «Духовной:
К разбойникам на горы он ушел...»
И в горести воскликнул Иоанн:
«Но разве я пред Богом не поставил
Тебя хранителем его души
И добрым пастырем овцы Христовой?..
Коня, скорей коня мне приведи!»

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
И на коня он сел, и гнал его,
И гор достиг, и путника в ущелье
Разбойники схватили. Он же молвил:
«К вождю меня ведите». Привели.
Суровый вождь стоял во всеоружье,
Склонясь на меч. Но вдруг, когда увидел
Святителя, грядущего вдали, –
Затрепетал и бросился бежать
В смятении пред старцем безоружным.
Но Господа любимый ученик,
Исполненный великим состраданьем,
По терниям, по остриям камней,
Над пропастью, как за овцою – пастырь,
За грешником погнался, возопив:
«Зачем, мое возлюбленное чадо,
От своего отца бежишь? Молю,
Остановись и пожалей меня,
Бездомного и немощного старца!
Я слаб: тебя догнать я не могу..
Не бойся: есть надежда на спасенье:
Я за тебя пред Богом отвечаю..
О, сын мой милый, верь: меня Спаситель
Послал тебе прощенье даровать.
Я пострадаю за тебя: на мне
Да будет кровь, пролитая тобою,
И тяжесть всех грехов твоих – на мне».
Остановился отрок и на землю
Оружие поверг, и подошел,
Трепещущий, смиренный, к Иоанну,
И край его одежд облобызал,
И, пав к ногам, воскликнул: «Отче!»
Под ризою десницу от него
Укрыв: она была еще кровавой.
Учитель же привел его в Эфес.
И юноша молитвой и слезами
Грехи свои омыл, и в оный день,

Когда пред всем народом в Божьем храме
К Святым Дарам разбойник приступил,
Как над овцой любимой «пастырь добрый»,
Над грешником склонился Иоанн;
И радостью великою сияло
Лицо его, меж тем как подавал
Он кровь и плоть Спасителя из чаши,
И солнца луч обоих озарил –
И патриарха с чашей золотою,
И в белых ризах отрока пред ним,
Как будто бы ученика Христова
И грешника соединил Господь
В одной любви, в одном луче небесном.

<1892>

ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ДРУЖЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ

ОДА АЛАРЧИНУ МОСТУ

Опять мы здесь – окончен пост,
Опять мы в стенах безмятежных,
Где вкус так верен, ум так прост.
Аларчин мост, Аларчин мост,
Обитель муз и граций нежных.
Где Вейнберг с длинной бородой,
Где Гиппиус и Мережковский,
Где веет в воздухе порой,
Сменяясь быстрой чередой,
То Хитрово, то Михайловский.
Здесь Андреевский – Ламартин,
Наш легкомысленный оратор
И легкой моды властелин,
Всегда болтающий один –
Петр Боборыкин, и сенатор –
Муж с государственным умом,
Поклонник Газе, друг законов,
И Минский с пасмурным челом,
Разочарованный во всем,

Мережковский Д. Стихотворения разных лет. Лирика filosoff.org
С полдюженой своих мэонов.

Не унывавший никогда
Желанный гость на горизонте,
С лучом рассвета иногда
Всходил, как поздняя звезда,
Сей робкий юноша Висконти.
О золотые вечера,
О с Джорджиадзе светлым <?> чаша,
И парадоксами игра,
И неизменная икра,
Ты, утешительница наша.
Аларчин мост, приют певцов,
Прими торжественную оду,
Тебя прославить я готов
За величайший дар богов –
За безграничную свободу!

1889 или 1890

ПОЛОНСКОМУ

Желаю от души, Полонский, мой Учитель,
Чтоб радость тихая вошла в твою обитель,
И сына Фебова, Асклепия, молю,
Да немощь исцелит докучную твою.
Еще тому легка докучных лет обуза,
С кем разделяет путь пленительная Муза –
Бессмертно юная, и трижды счастлив тот,
Кто гимн свой до конца восторженно поет..
Чреду златых годов без горя и тревоги
Пошлите Якову Петровичу, о боги!..
Я верю, из друзей поэта ни один
Не позабудет дня священных именин!

26 декабря 1892

<А. В. ПОЛОВЦОВУ>

Поклонник Муз и чистых Граций,
Я жду тебя под сень дубов,
Пушистых елей и акаций,
Как Мецената ждал Гораций –

Во мгле Тибурских вечеров.
Одни за чаем на балконе
Мы можем в сельской тишине
Поговорить о Парфеноне,
О Половецкой старине.
Беседы гневным восклицаньем
Здесь Боборыкин не прервет, –
Лишь стадо мирное с мычаньем
В полях темнеющих пройдет.
И в светлом сумраке лампы
Мы снова вызовем с тобой,
Полны задумчивой отрады, –
Святые призраки Эллады,
Земли, обоим нам родной.
июнь 1894

Примечания

1

я подобен королю некой ненастной страны.

Ш<арль> Б<одлер> (франц.)

2

Се человек (лат.).

3

День гнева (лат.).

4

Ты, кто от Небес... Гете (нем.).

5

Берега по всей реке повторяли: «Эвридика». Вергилий, Георг. IV (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!